

Г. В. Любимова¹✉, Н. П. Штейнпрейс²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Независимый исследователь
Новосибирск, Россия
E-mail: terra-gl@mail.ru

Крестьянские рукописные воспоминания в системе документов личного происхождения

Статья посвящена анализу крестьянских рукописных воспоминаний как особого вида источников в системе документов личного происхождения. Показано, что бум эго-документов, ставший одним из главных историографических трендов последних лет, явился следствием антропологического поворота (перехода к антропоцентричной истории) в социо-гуманитарных исследованиях. Представлена краткая история мемуарного жанра в России, возникновение которого относится ко второй половине XVIII в. Выявлены особенности крестьянских воспоминаний в сравнении с воспоминаниями представителей иных сословий. С использованием подходов, разработанных в отечественной историографии, рассматривается связь крестьянской мемуарной литературы с другими текстами личного происхождения, а также генетически близкими к ней произведениями наивной словесности. Особое внимание уделяется таким историческим свидетельствам, как письма крестьянских переселенцев на родину, позволяющим увидеть процесс массовых аграрных миграций в Сибирь конца XIX – начала XX в. «изнутри», глазами его участников. Затрагивается дискуссионный вопрос о возможности причисления к эго-документам текстов, содержащих не только прямые высказывания личного характера, но и косвенные свидетельства, отражающие «незримое присутствие (в текстах) стороннего лица». На примере сочинения жителя Колыванского р-на Новосибирской обл. Сергея Ивановича Курина делается вывод, что крестьянские рукописные воспоминания являются самостоятельным видом источников, не сводимым к наивной литературе и отличным от материалов, полученных методами устной истории.

Ключевые слова: эго-документы, тексты личного происхождения, крестьянская мемуарная литература, наивная словесность, устная история, сибирское переселенческое село, рукописные воспоминания.

G. V. Liubimova¹✉, N. P. Shteynpreis²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia

²Independent researcher
Novosibirsk, Russia
E-mail: terra-gl@mail.ru

Handwritten Peasant Memoirs in the System of Personal Documents

The article analyzes handwritten peasant memoirs as a special type of sources within the system of personal documentation. It is shown that the upsurge in self-documentation, which has become one of the main historiographic trends in recent years, resulted from the anthropological turn (transition to anthropocentric history) in the Social Sciences and Humanities. A brief history of the memoir genre in Russia, which emerged in the second half of the 18th century, is described. Specific features of peasant memoirs are compared with memoirs left by the representatives of other social classes. Following the approaches developed in Russian historiography, this article examines the relationship between peasant memoirs and other personal texts, as well as related works of naive literature. Particular attention is given to historical evidence, such as letters from peasant settlers to their homeland, which offer an insight into the process of large-scale agrarian migration to Siberia in the late 19th and early 20th centuries through the eyes of its participants. The article addresses the controversial issue of whether the texts containing not only direct personal statements but also indirect evidence which reflects the “invisible presence (in the texts) of an outsider” can be regarded as ego-documents. After using the work of Sergei Kurin, the resident of Kolyvan District of Novosibirsk Region, as an example, it is concluded that handwritten peasant memoirs constitute an independent source, not reducible to naive literature and distinct from the evidence obtained by the methods of oral history.

Keywords: ego-documents, personal texts, peasant memoir literature, naive literature, oral history, Siberian settlers' village, handwritten memoirs.

Следствием антропологического поворота, начавшегося в социо-гуманитарных исследованиях несколько десятилетий назад, стало обращение к текстам личного происхождения, превратившееся в один из главных историографических трендов последних лет. «Бум личных документов», по мнению Н. В. Суржиковой, является не просто «следованием моде», но показателем перехода к антропоцентричной истории, смещения фокуса исследовательского интереса с макроистории на индивидуальный опыт, чувства и личное восприятие событий рядовым участником исторического процесса, позволяющим преодолеть обезличенность «официальной истории» [Суржикова, 2014]. О масштабах ведущейся в настоящее время работы с семейными дневниками, фотоальбомами, перепиской и другими личными документами, свидетельствует цифровой архив «Прожито», насчитывающий более шестисот тысяч расшифрованных текстовых записей из частных собраний XVIII–XX вв. [Прожито].

Термин эго-документ, появившийся в зарубежных исследованиях в середине прошлого века, был введен в научный оборот для обозначения широкого круга письменных свидетельств, отличающихся ярко «выраженным личностным характером». Цитируя автора неологизма, Жака Прессера, Ю. П. Зарецкий уточняет, что письма, дневники, записные книжки или воспоминания – относятся к «тем историческим источникам, в которых исследователь сталкивается с “я”... как с одновременно пишущим и присутствующим в тексте субъектом описания» [Зарецкий, 2021, с. 185]. Такие источники характеризуются отчетливым отношением автора к событиям, участником или очевидцем которых ему довелось быть, а также глубокой рефлексией собственных чувств и мнений. Иными словами, эго-документ или эго-источник, считает М. К. Чуркин, можно рассматривать как своего рода «резервуар и транслятор личных переживаний, внутренних духовных ощущений и авторской идентичности» в определенный исторический период [Чуркин, 2017, с. 55].

Появление в России такого жанра, как личные дневники и воспоминания, отмечено не ранее второй половины XVIII в. Авторами первых «журналов» и «светских путевых записок» были представители высших сословий, получившие возможность обучаться в Европе и желавшие зафиксировать свои впечатления. Характерное для той эпохи возрастание интереса к изучению народов и территорий России также способствовало развитию дневниковых записей [Тополова, 2012, с. 224–225]. Многочисленные записи персонального характера оставили чиновники, представители торгово-купеческого сословия и лица духовного звания – все те, кто владел грамотой и мог изложить свои мысли на бумаге. В то же время первые крестьянские воспоминания в силу массовой неграмотности крестьянского сословия в XVIII–XIX вв.

носили «единичный (и) почти уникальный» характер. Примером одного из самых ранних крестьянских сочинений могут служить воспоминания Леонтия Травина (1732 г.р.), псковского крестьянина, первоначально служившего у своего барина управляющим, а после получения вольной – самого ставшего владельцем крепостных крестьян. Созданные им записки содержат множество бытовых подробностей крестьянской жизни, которые невозможно почерпнуть из мемуаров представителей дворянского и других сословий [Воспоминания ..., 2006, с. 3, 42–135].

Автор предисловия к сборнику «Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века» В. А. Кошелев выделяет три типа крестьянских мемуаров: первый – истории о том, как обычный крестьянин благодаря усердному труду и талантам выходит «в люди»; второй – авантюрный рассказ о пережитых житейских приключениях, интересный для массового читателя, и третий – истории родного села, авторы которых, «стесняясь писать о себе», начинали с особым вниманием относиться к окружающему пространству, «малому уголку большой родины». Таким образом, собранные в указанном сборнике воспоминания, заключает автор, принадлежат перу не столько крестьян, непосредственно занятых земледельческим трудом, сколько выходцев из крестьянской среды, сумевших выбиться из уготованной им «сословной колеи» [Там же, с. 26].

Большую часть своей истории крестьянство оставалось тем самым «молчащим (безмолвствующим, нерассуждающим) большинством», которое не имело собственного голоса. И дело здесь не только в том, что крестьяне не умели читать и писать, но и в том, что многие из них, как отмечает А. В. Буганов, скорее всего, не видели необходимости в письменной передаче своего жизненного опыта, ограничиваясь для этого устной традицией. Масштабные события, повлекшие за собой изменение традиционного уклада и привычного образа мыслей, в т.ч. отмена крепостного права и осознание себя вольными людьми, повлияли на самовосприятие крестьян, подтолкнув их к новым способам самовыражения, включая создание письменных воспоминаний [Буганов, 2008, с. 40–45].

Типологически и по своему происхождению крестьянские воспоминания близки к произведениям наивной литературы, также созданным в рамках «неписьменной (в недавнем прошлом) культуры». Как и крестьянские мемуары, такие тексты известны по крайней мере с первой половины XIX в. Однако массовое распространение, по словам А. П. Минаевой, они получают лишь со второй половины XX в., вследствие «накопительного эффекта всеобщего среднего образования». Оба типа текстов характеризуются сходными чертами – дидактичностью, смешением повествовательных стилей (разговорного, официального и художественного), а также ориентацией на классические литературные образцы. Вместе

с тем крестьянские рукописные воспоминания носят, как правило, реалистичный и узконаправленный характер (поскольку их главными читателями остаются дети, внуки и правнуки автора), тогда как наивная литература тяготеет к художественному вымыслу и признанию со стороны самого широкого круга лиц [Минаева, 2003, с. 68–70]. Всегда оставаясь «недолитературой», такие произведения, по словам С. Ю. Неклюдова, «наивны в том смысле, в каком наивен ребенок, пытающийся изобразить взрослого» [Неклюдов, 2001, с. 5].

В рамках письменных исторических свидетельств, вышедших из среды российских крестьян, выделяется особая разновидность эго-текстов, имеющих непосредственное отношение к массовым аграрным миграциям конца XIX – начала XX в. Речь идет о документах, позволяющих увидеть весь процесс переселения в Сибирь «изнутри» – глазами его участников. Помимо индивидуальных крестьянских прошений, ходатайств и жалоб сюда относятся письма переселенцев на родину, содержащие прямые высказывания личного характера – например: *«плачем о своей разлуке с вами в отдаленной стороне от вас... рыдаем, по всяк час и минуту... если бы мы имели крылья, мы бы звынулись, полынулы, проведали бы своих родителей и свою родимую сторону...»* [Сибирские переселения, 2003, с. 155].

Исходя из расширенного подхода к пониманию эго-источников крестьянского происхождения, некоторые авторы включают в данную категорию не только персональные тексты, но и косвенные свидетельства, фиксирующие взгляд на ту или иную ситуацию «со стороны». «Незримое присутствие (в тексте) стороннего лица» (сельского писаря или случайного чиновника), как пишет М. К. Чуркин, проявляется в стандартизации подобных свидетельств, вытеснении из них индивидуальных черт и применении шаблонных моделей письма. Перечисленные приемы особенно характерны для делопроизводственных документов эпохи крестьянских переселений [Чуркин, 2017, с. 59]. Сходными признаками отличаются массовые документы советского времени, включая материалы следственных дел, содержащие свидетельства крестьян, прошедших коллективизацию и раскулачивание [Трагедия ..., 2000].

Наряду с письменными нарративами, исходящими из крестьянской среды, важную роль в сохранении и трансляции исторической памяти о сельской России прошлого века играют материалы устной истории. Широкое распространение технологий и методов устной истории Т. К. Щеглова связывает с тем, что в современных условиях «источниковая база полевых исследований все больше смещается в нематериальную область», тогда как предметом исследования исторической памяти все чаще становится «антропологическое содержание исторического прошлого». Сама же устная информация – «добывается с помо-

щью интервью» и последующего документирования собранных материалов [Щеглова, 2017, с. 3].

Будучи «живыми свидетельствами прошлого», устные нарративы, подчеркивает А. Ассман, всегда предполагают наличие собеседника (исследователя или собирателя), который вольно или невольно структурирует разговорную речь, «придавая форму хаотичным воспоминаниям» – особенно в момент фиксации их в письменном виде [Ассман, 2014, с. 128–129]. (Не)зримое «присутствие (в тексте) стороннего лица» является в данном случае тем критерием, который отличает устные и письменные нарративы крестьянского происхождения.

В качестве примера можно привести сборники крестьянских воспоминаний «Судьба человеческая», издававшиеся с 2001 по 2003 гг. Новосибирским областным домом народного творчества в рамках проекта «Сибирская старина». Опубликованные повествования, посвященные судьбам российских переселенцев в Сибири, охватывают период с конца XIX – до середины XX в. [Судьба человеческая, 2001, 2002, 2003]. Записанные школьными учителями, библиотекарями, работниками культуры, сотрудниками местных архивов и музеев воспоминания сельских жителей по целям и способам создания относятся к материалам устной истории, что не позволяет отождествлять их с крестьянской мемуарной литературой.

Одна из особенностей современного развития устной истории (Oral History) связана с повышенным вниманием исследователей к историческим взглядам, суждениям и оценкам самих респондентов [Устная история, 2017, с. 46, 49]. Указанная тенденция сближает устную историю с методами рефлексивного крестьяноведения – социологического направления, в рамках которого сельские жители выступают в качестве равноправных участников научного анализа (имеющих свое понимание историко-социальных процессов и явлений), т.е. фактически становятся соавторами исследования [Шанин, 2002].

Стоявший у истоков данного направления Теодор Шанин являлся руководителем международного проекта, по итогам которого был издан сборник крестьянских воспоминаний, позволяющий услышать «живые голоса» собеседников и увидеть реалии сельской жизни России XX в. сквозь призму восприятия самих крестьян [Голоса крестьян, 1996, с. 4]. По словам В. Г. Виноградского, ценность собранного громадного корпуса крестьянских нарративов заключается в том, что их речевой строй и деревенские дискурсивные манеры отражают «как само существо, так и оценку (порой – хлесткую и точную, иногда – архаически-заскорузлую и предвзятую) происходящих (в обществе) перемен и трансформаций» [Виноградский, 2013, с. 122].

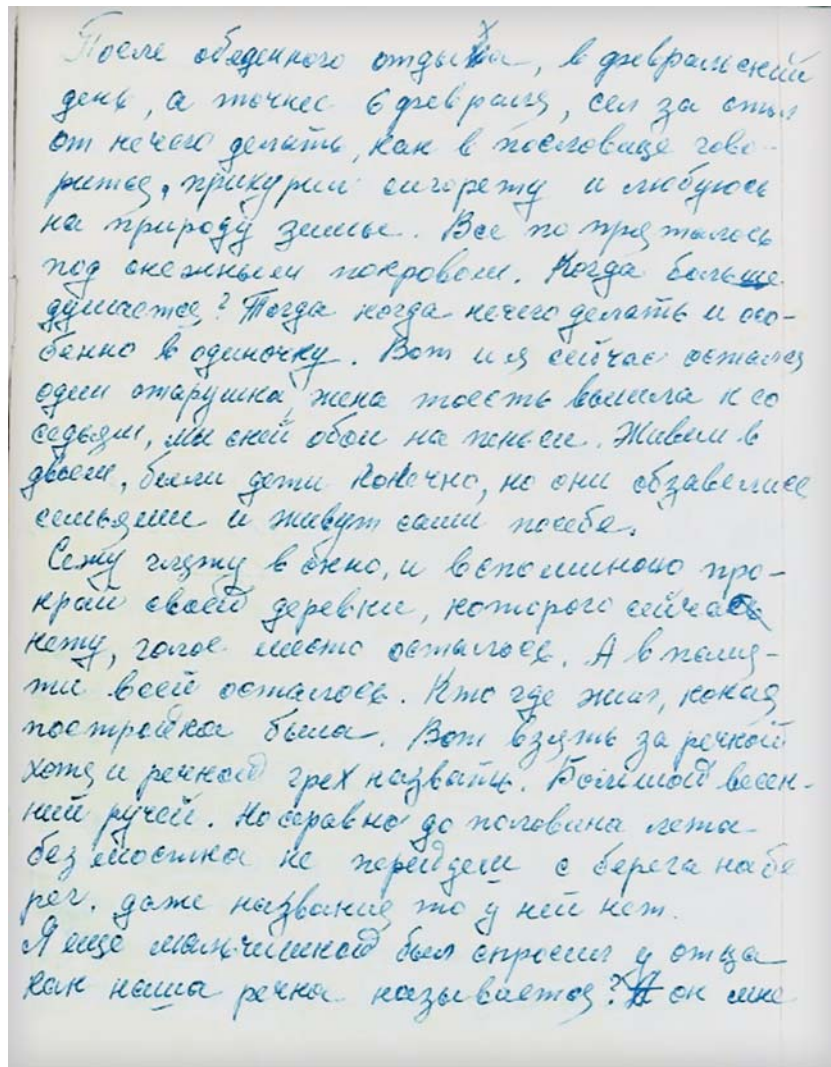
С учетом сказанного, особый интерес представляют вышедшие из крестьянской среды письменные нарративы, не затронутые стилистической правкой

и «упорядочиванием» со стороны исследователя, собирателя или другого «стороннего лица». В данную группу текстов входят созданные крестьянами рукописные воспоминания, т.е. мемуарная литература крестьянского происхождения. Несмотря на то, что авторы подобных сочинений – малограмотные крестьяне (представители «социальных низов») – не только не влияют друг на друга, но попросту не знают о существовании себе подобных, поскольку творят изолированно. М. Л. Лурье считает возможным говорить о единых чертах «простонародного деревенского творчества». Это, прежде всего, ориентация деревенских авторов на воспроизведение «реального жизненного материала», а также соотнесение этого материала со сферой «своего» (личного, семейно-родового или местного) опыта [Лурье, 2001, с. 20–23].

Относительная немногочисленность подобных произведений обусловлена рядом факторов. Как правило, их авторы еще застали традиционный уклад крестьянской жизни, но уже получили советское воспитание (включая овладение грамотой). Однако лишь небольшая доля мужчин, рожденных в 1920–1930-е гг., смогла достичь преклонного возраста. Представители этого поколения пережили коллективизацию, репрессии, войну и послевоенные трудности, но жизнь в традиционной культуре, по меткому замечанию Н. Н. Козловой, по-прежнему «занозой сидит в их подсознании» (как постоянный предмет размышлений и точка отсчета). В целом, значение «биографических нарративов на фоне... советской модернизации», согласно автору, состоит в том, что их содержание позволяет оценить «уникальные условия вхождения советского человека в модерн» [Козлова, 1994, с. 113–114].

В структурном отношении такие тексты обычно распадаются на две части. Первая часть, посвященная «единоличной» жизни до начала коллективизации, создает «идиллический образ деревни». Вторая – описывает колхозную жизнь, нередко выдавая авторскую ностальгию о тех «временах, когда жизнь деревни представлялась устойчивой и стабильной» [Королева, Курочкина, Беломестнова, 2016, с. 215–218].

Ярким примером крестьянской мемуарной литературы являются рукописные воспоминания жителя Колыванского р-на Новосибирской обл. Сергея

Страница рукописных воспоминаний С. И. Курина.

Ивановича Курина (1921–2007). Обращаясь к своим читателям, автор раскрывает обстоятельства, побудившие его в преклонном возрасте взяться за перо: «После обеденного отдыха... сел за стол (перед окном) и люблюсь на природу зимы. Все попряталось под снежным покровом... (но) что же, вы думаете, я вижу? Картину детства своего... свой край деревни, где я родился и рос помаленьку в крестьянской семье» (см. рисунок). Зримые перемены в облике родного села пробуждают в нем острую потребность передать свои знания о прежней жизни потомкам: «Ох, как быстро времечко летит! Хоть бы успеть написать историю Сидоровки... а то никто (и) приблизительно не будет знать, откуда (она) взялась. И меня бы, покойного, вспомнили, что оставил память о ней» [Курин, III, л. 1, 7].

В воспоминаниях Курина изложена история типичного сибирского переселенческого села, основанного выходцами из европейских губерний России в 1870-е гг. Судьба семейного клана Куриных (переселенцев из Тамбовской губернии) представлена в

рукописи на фоне подробных сведений о возникновении самой Сидоровки, а также летописи развития села вплоть до коллективизации и колхозной жизни в предвоенное время.

Период социальных и политических катаклизмов (включая «вспышку Колыванского... восстания» в 1920 г.) Курин описывает как «тяжелое, мучительное» время, используя для его обозначения такие выражения, как «вся эта крутеверть» и даже «нечестивая заваруха» [Там же, III, л. 11, 13]. Таким образом, рукописные воспоминания Курина (публикация которых в настоящее время готовится в Отделе этнографии ИАЭТ СО РАН) позволяют проследить трансформацию традиционной культуры в категориях самой крестьянской культуры. Крестьянская мемуаристика предстает при этом как отдельный, самостоятельный вид источников, не сводимый к наивной литературе и отличный от материалов, полученных методами устной истории.

Финансирование

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0011 «Этнокультурные и этносоциальные процессы у народов Сибири и Дальнего Востока в XVII–XXI веках: формирование и динамика».

Список литературы

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

Буганов А. В. Историческая память русских крестьян: реальность и мифы (XIX – начало XX вв.) // Новый ист. вестн. – 2008. – № 2 (18). – С. 40–49.

Виноградский В. Г. Затихающие голоса: крестьянские нарративы во времени // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. – Вып. 8. – М.: РАНХиГС, 2013. – С. 121–135.

Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века / предисл. В. А. Кошелева. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 1078 с.

Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / ред. Т. Шанин. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 412 с.

Зарецкий Ю. П. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2021. – № 3 (137). – С. 184–199.

Козлова Н. Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социологические исследования. – 1994. – № 6. – С. 112–123.

Королева С. Ю., Курочкина М. В., Беломестнова А. С. Тексты «наивной» литературы в сельской культуре Пермского Прикамья (на материале Чердынского района) // Славянские языки и культуры в многоязычном мире. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016. – С. 208–220.

Курин С. И. Какой была Сидоровка. Рукопись // Архивный фонд РМКУ «Колыванский краеведческий музей» Новосибирской области.

Лурье М. Л. О феномене наивного сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. – С. 15–28.

Минаева А. П. «Наивная литература»: творчество и стереотипы // Традиционная культура. – 2003. – № 2. – С. 68–74.

Неклюдов С. Ю. От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. – С. 4–14.

Прожито. Цифровой архив личных дневников и мемуарных текстов. Центр изучения эго-документов Европ. ун-та в С.-Петербурге. – URL: <https://archive.prozhito.org> (дата обращения: 10.05.2026).

Сибирские переселения. Документы и материалы / отв. редактор М. В. Шиловский. – Вып. 1. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003. – 198 с.

Судьба человеческая / сост. О. В. Переверзева. Вып. 1–3. – Новосибирск: Новосиб. гос. обл. Дом нар. творчества, 2001. – 72 с.; 2002. – 30 с.; 2003. – 40 с.

Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость // История в эго-документах: исследования и источники. – Екатеринбург: АсПур, 2014. – С. 6–13.

Тополова О. С. Использование дневниковой формы как проявление авторского самосознания в путевой литературе второй половины XVIII века // Учен. зап. Казан. ун-та. – 2012. – Т. 154, Кн. 5. – С. 223–231.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. – Т. 2. – М.: РОССПЭН, 2000. – 927 с.

Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. Т. К. Щеглова. – Барнаул: Алт. гос. пед. ун-т, 2017. – 230 с.

Чуркин М. К. Эго-тексты в исследовании крестьянских переселений в Сибирь: видовые признаки и возможности использования // Вестн. Омск. гос. ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2017. – № 4 (16). – С. 54–63.

Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России. – М.: МВШСЭН, 2002. – С. 69–92.

Щеглова Т. К. От редактора: историческая память, устная история (Oral history), этнография и культурная антропология // Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве. – Барнаул: Алт. гос. пед. ун-т, 2017. – С. 3–6.

References

Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2014. 328 p. (In Russ.).

Buganov A. V. Istoricheskaya pamyat' russkikh krest'yan: real'nost' i mify (XIX – nachalo XX vv.) *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2008. No. 2 (18). P. 40–49. (In Russ.).

Churkin M. K. Ego-teksty v issledovanii krest'yanskikh pereseleniy v Sibir': vidovyye priznaki i vozmozhnosti ispol'zovaniya. *Vestnik OSU. Ser.: History*. 2017. No. 4 (16). P. 54–63. (In Russ.).

Koroleva S. Y., Kurochkina M. V., Belomestnova A. S. Teksty "naivnoy" literatury v sel'skoy kul'ture Permskogo Prikam'ya (na materiale Cherdynskogo rayona). In *Slavyanskiye*

yazyki i kul'tury v mnogoyazychnom mire. Perm': PGNIU Press, 2016. P. 208–220. (In Russ.).

Koshelev V. A. (ed.). Vospominaniya russkikh krest'yan XVIII – pervoy poloviny XIX veka. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2006. 1078 p. (In Russ.).

Kozlova N. N. Krest'yanskiy syn: opyt issledovaniya biografii. In *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 1994. No. 6. P. 112–123. (In Russ.).

Kurin S. I. Kakoy byla Sidorovka. Rukopis'. Arkhivnyy fond RMKU “Kolyvanskiy krayevedcheskiy muzey” Novosibirskoy oblasti.

Lurye M. L. O fenomene naivnogo sochinitel'stva. In “*Naivnaya literature*”: issledovaniya i teksty. Moscow: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond Publ., 2001. P. 15–28. (In Russ.).

Minayeva A. P. “Naivnaya literature”: tvorchestvo i stereotypy. In *Traditsionnaya kul'tura*, 2003. No. 2. P. 68–74. (In Russ.).

Neklyudov S. Y. Ot sostavitelya. In “*Naivnaya literature*”: issledovaniya i teksty. Moscow: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond Publ., 2001. P. 4–11. (In Russ.).

Pereverzeva O. V. (ed.). Sud'ba chelovecheskaya. Iss. 1–3. Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy oblastnoy Dom narodnogo tvorchestva Publ., 2001. 72 p.; 2002. 30 p.; 2003. 40 p. (In Russ.).

Prozhito. Tsifrovoy arkhiv lichnykh dnevnikov i memuar-nykh tekstov. Tsentr izucheniya ego-dokumentov Yevropeyskogo universiteta v S.-Peterburge. URL: <https://archive.prozhito.org> (Accessed: 10.05.2026). (In Russ.).

Shanin T. (ed.). Golosa krest'yan: sel'skaya Rossiya XX veka v krest'yanskikh memuarakh. Moscow: Aspekt Press, 1996. 412 p. (In Russ.).

Shanin T. Metodologiya dvoynoy refleksivnosti v issledovaniyakh sovremennoy rossiyskoy derevni. In *Refleksivnoye krest'yanovedeniye: desyatilet'ye issledovaniy sel'skoy Rossii*. Moscow: Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, 2002. P. 69–92. (In Russ.).

Shilovskiy M. V. (ed.). Sibirskiy pereseleniya. Dokumenty i materialy. Iss. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2003. 198 p. (In Russ.).

Shcheglova T. K. (ed.). Ustnaya istoriya: zhiznennyye strategii i povsednevnyye praktiki sel'skogo naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2017. 230 p. (In Russ.).

Shcheglova T. K. Ot redaktora: istoricheskaya pamyat', ustnaya istoriya (Oral history), etnografiya i kul'turnaya antropologiya. In *Ustnaya istoriya v sovremennoy issledovatel'skoy praktike na postsovetском prostranstve*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2017. P. 3–6. (In Russ.).

Surzhikova N. V. Ego-dokumenty: intellektual'naya moda ili osoznannaya neobkhodimost'. In *Istoriya v ego-dokumentakh: issledovaniya i istochniki*. Yekaterinburg: AsPur, 2014. P. 6–13. (In Russ.).

Topolova O. S. Ispol'zovaniye dnevnikovoy formy kak proyavleniye avtorskogo samosoznaniya v putevoy literature vtoroy poloviny XVIII veka. In *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta*. Vol. 154. Iss. 5. P. 223–231. (In Russ.).

Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye. 1927–1939. Dokumenty i materialy. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN, 2000. 927 p. (In Russ.).

Vinogradskiy V. G. Zatikhayushchiye golosa: krest'yanskiye narrativy vo vremeni. In *Krest'yanovedeniye: Teoriya. Istoriya. Sovremennost'*. Iss. 8. Moscow: RANHiGS Publ., 2013. P. 121–135. (In Russ.).

Zaretskiy Y. P. Ego-dokumenty sovetskogo vremeni: terminy, istoriografiya, metodologiya. In *Neprikosnovenny zapas: debaty o politike i kul'ture*, 2021. No. 3 (137). P. 184–199. (In Russ.).

Любимова Г. В. <https://orcid.org/0000-0003-3538-2806>
Штейнпрейс Н. П. <https://orcid.org/0009-0000-0082-5019>

Дата сдачи рукописи: 28.05.2026 г.